

Дважды лауреат
Букеровской премии

МАРГАРЕТ
ЭТВУД

От создательницы
«РАССКАЗА
СЛУЖАНКИ»

ПЕНЕЛОПИДА

Слушайте женщин
и воспринимайте их всерьез

Маргарет Этвуд

Пенелопида

Издательство "Livebook/Гаятри"

2005

УДК 82-34
ББК 84(2)

Этвуд М.

Пенелопиада / М. Этвуд — Издательство "Livebook/Гаятри" ,
2005

ISBN 978-5-90-742817-1

«Пенелопиада» — книга из серии древних мифов, переосмысленных современными писателями из разных стран, среди которых Антония Сьюзен Байетт, Али Смит, Давид Гроссман, Су Тун, Ольга Токарчук, Виктор Пелевин и др. Мудрая, сострадательная, тревожная история о том, что подчас бывает, когда власть в обществе принадлежит мужчинам. Что если Пенелопа — верная жена Одиссея, ждавшая его двадцать лет на Итаке и вырастившая сына Телемака, — задумала что-то, о чем забыл упомянуть Гомер? И какие тайны хранят двенадцать повешенных по приказу Одиссея служанок? Маргарет Этвуд предоставляет женщинам возможность рассказать свою версию легендарной истории.

УДК 82-34
ББК 84(2)

ISBN 978-5-90-742817-1

© Этвуд М., 2005
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2005

Содержание

I. Презренное искусство	6
II. Партия хора	8
III. Мое детство	10
IV. Партия хора	12
V. Асфодели	14
VI. Мое замужество	18
VII. Шрам	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Маргарет Этвуд

Пенелопиада

Margaret Atwood

The Penelopiad

© O.W. Toad Ltd., 2005

© Анна Блейз, перевод на русский язык, 2006

© Livebook Publishing, оформление, 2022

Посвящается моей семье

*Как ты блажен, Одиссей многохитрый,
рожденный Лаэртом!
Ты жене приобрел
добродетели самой высокой <...>
Да! Между смертными
слава ее добродетели вечно
Будет сиять на земле.
И на полные прелести песни
О Пенелопе разумной
певцов вдохновят олимпийцы.*

Одиссея, XXIV, 192-198

*Так он сказал и, канат корабля
черноносого взявши,
Через сарай тот канат перебросил,
к столбу привязавши.
После вздернул их вверх,
чтоб ногами земли не касались. <...>
И под петлями сетей
ужасный покой их встречает, —
Так на канате они
голова с головою повисли
С жавшими шею петлями,
чтоб умерли жалкою смертью.
Ноги подергались их,
но не долго, всего лишь мгновенье¹.*

Одиссея, XXII, 465-473

¹ Гомер. Одиссея. Перевод В. В. Вересаева.

I. Презренное искусство

Теперь, когда я умерла, я знаю все. Я мечтала, что смогу так сказать, но и это мое желание не сбылось, как и многие-многие другие. Несколько ничтожных фактов – вот и все, что я узнала нового. Что и говорить, любопытство утолено, да цена высоковата.

С тех пор как я умерла – стала такой, как теперь: бескостной, безгубой, безгрудой, – я узнала кое-что, о чем предпочла бы не знать, как бывает, когда подслушиваешь под окном или вскрываешь чужие письма. А вы хотели бы читать мысли? Не советую.

Сюда, под землю, каждый приходит с мешком, вроде тех мехов, куда упрятывали ветра, только наши мешки набиты словами: словами, что ты высказал сам; словами, что ты услышал; словами, что были сказаны о тебе. У одних мешки тощие, у других – огромные; мой не так уж и мал, хотя слова в нем большей частью – о моем знаменитом супруге. «Как он водил ее за нос!» – говорят одни. Да, это он умел – водить людей за нос. «И все сошло ему с рук!» Верно, он и это умел – выходить сухим из воды.

Как ему удавалось внушать доверие! Многие верили, что его версия событий и есть истинная – ну, плюс-минус парочка трупов, прекрасных соблазнительниц и одноглазых чудищ. Даже я ему верила – временами. Я знала, что он каверзник и враль, но думала, что уж меня-то он избавит от своих врак и каверз. Или я не хранила ему верность? Или я не ждала столько лет, отвергая все – почти неодолимые – соблазны? И во что я превратилась, когда эта его официальная версия получила признание? В назидательную легенду! В розгу, чтобы учить других женщин! Отчего те не способны на такую преданность, такую надежность, такое самопожертвование, как я? Вот о чем запели все в один голос – все эти рапсоды и сказители. «Не надо мне подражать!» – пытаюсь я докричаться до вас – да, до вас, слышите? Но, когда я силюсь это выкрикнуть, слышно лишь уханье совы.

Само собой, его изворотливость, его лукавство, плутоватость, его... как бы это сказать... неразборчивость в средствах бросались в глаза, но я предпочитала не замечать их. Я держала рот на замке, а если открывала – только чтобы вознести ему хвалы. Я не спорила, не задавала

неудобных вопросов, не копала слишком глубоко. В те дни я мечтала о счастливой развязке, а вернейший путь к счастливой развязке – не отпирать дверей и мирно спать, пока бушует буря.

Но, когда буря миновала и жизнь потекла уже не так легендарно, я обнаружила, сколь многие смеются надо мной за глаза – и как они потешаются, как отпускают шуточки на мой счет, невинные, и грязные; как из меня лепят сказку, а то и несколько, и совсем не таких, какие мне хотелось бы о себе услышать. Что может женщина поделать с постыдной сплетней, разлетевшейся по свету? Попытайся она оправдаться – и любые ее слова прозвучат подтверждением вины. Так что я предпочла подождать еще.

Но теперь, когда все рассказчики выдохлись, настал мой черед. Теперь я сама расскажу сказку. Решиться на такое мне дорогого стоило: стряпать побасенки – презренное искусство. Забава для старух и бродячих попрошайек, слепых певцов, служанок да детворы – всяких бездельников, которым времени не занимать. Когда-то меня подняли бы на смех, вздумай я строить из себя рапсода: жалкое это зрелище – аристократка, опустившаяся до возни с искусством; но сейчас-то какое мне дело до общественного мнения? Мнения общества, собравшегося здесь, под землей? Мнения теней? Отголосков? Так что решено – я спряду *свою* нить.

Загвоздка в том, что говорить мне нечем – у меня нет рта. Мне не удастся изъясняться внятно для вашего мира, мира тел, языков и пальцев; да и слушателей у меня по вашу сторону реки раз-два и обчелся. Если кому и под силу уловить случайный шепот, случайный писк, слова мои для них – всего лишь ветер в сухих камышах, голос летучей мыши, мелькнувшей в сумерках, тягостный сон.

Но я всегда была непреклонна. «Терпеливая» – так меня называли. Я доведу свою затею до конца.

II. Партия хора Пляска с веревками

*Служанки мы.
Ты нас убил
несправедливо.*

*Мы босиком
в петлях плясали
ни за что ни про что.*

*С каждой богиней,
царицей и девкой
тешился ты
без разбору.*

*Меньше стократ
мы совершили —
а ты осудил нас.*

*Властвовал ты
грозным копьем,
словом хозяйским.*

*Любовников кровь
мы оттирали
с пола и лавок,*

*с дверей, со ступеней,
на коленях в воде;
ты стоял и глазел*

*на ноги наши босые;
ни за что ни про что
тешился нашим страхом,*

*пил его с наслаждением.
Рукою взмахнул —
и любовался*

*нашей последней пляской.
Ни за что ни про что
на смерть осудил нас.*

III. Мое детство

С чего же начать? Выбор невелик: или с самого начала, или с чего-то другого. Но всему начало – начало мира, все остальное – лишь последствия; а о том, как начался мир, каждый толкует по-своему, так что начну я, пожалуй, с того, как я родилась.

Отцом моим был Икарий, царь Спарты. Матерью – наяда. Таких полукровок в те времена было пруд пруди; куда ни плюнь – всюду наядины дочери. Впрочем, толика божественной крови в жилах – это не так уж плохо. По крайней мере, поначалу.

Когда я была совсем еще крошкой, отец приказал бросить меня в море. При жизни я так и не выяснила почему, но теперь подозреваю, что виной всему были слова оракула: жрица объявила, что я сотку отцу погребальное покрывало. Вот он, наверное, и решил, что если убьет меня вовремя, то со-ткать ему саван будет некому, а значит, он никогда не умрет. Ход рассуждений очевиден. И если так, то отец решил утопить меня, чтобы спастись самому, – вполне понятное побуждение. Но он, видно, ослышался, а может, и сама жрица не разобрала, что к чему, – боги часто бормочут, как беззубые: не отцу, а свекру должна была я соткать гробовой покров. И если о том и шла речь в пророчестве, то оно воистину сбылось, и в свое время саван для свекра сослужил мне хорошую службу.

Понимаю, что теперь уже не в моде учить девочек рукоделию, но в мои времена, по счастью, дело обстояло иначе. Очень удобно: всегда находилось чем занять руки. Если кто-то отпускал неуместное словечко, всегда можно было притвориться, что ты ничего не слышала. И можно было не отвечать.

Но как знать? Может, никакого пророчества о саване и не было. Может, я его просто выдумала, чтобы было не так обидно. Столько шепотов носится здесь, в темных пещерах и на лугах, что порой не различишь, откуда этот голос – со стороны или у тебя из головы. Насчет головы – это я фигурально. Какие уж тут головы у нас, подземных?...

Впрочем, неважно. Так ли, иначе – меня бросили в море. Помню ли я, как сомкнулись надо мной волны и как воздух вышел из легких? Помню ли колокол, который, говорят, бьет в ушах утопающих? Не помню. Ровным счетом ничего. Но мне потом рассказали, как это было:

всегда найдется какая-нибудь служанка или рабыня, старая нянюшка или кумушка, которую хлебом не корми – дай напичкать ребенка сплетнями обо всяких ужасах, что вытворяли с ним родители, когда он по малолетству еще ничего не мог запомнить. Эта история отбила у меня охоту общаться с отцом. Этим случаем – точнее, своей осведомленностью о нем – я и объясняю свою замкнутость и недоверие к людям.

Однако же каким надо быть дураком, чтобы пытаться утопить дочь наяды?! Вода – наша колыбель, наша родная стихия. Плаваем мы не так хорошо, как матери, но держаться на воде можем сколько угодно, а к тому же всегда найдем общий язык с рыбами и морскими птицами. Стая полосатых уток поспешила на помощь и доставила меня к берегу. Что оставалось делать отцу после такого знамения? Он принял меня обратно и дал мне новое имя. После того случая меня стали называть *уточкой*. А отец, очевидно, усовестился: с тех пор он преисполнился ко мне родительских чувств.

Отвечать ему взаимностью было нелегко. Можете себе представить, как мы с любящим отцом гуляем, держась за ручки, по краю обрыва, по берегу реки или по крепостной стене, а я только и думаю: вот сейчас он как сбросит меня вниз или разможжит голову камнем... Даже просто сохранять спокойствие в таких обстоятельствах – и то была задачка. После этих прогулок я уходила к себе и заливалась слезами. (Раз уж на то пошло, скажу вам сразу: дети наяд вообще ужасно плаксивые. Четверть своей земной жизни, если не больше, я провела в слезах. К счастью, в мое время носили покрывала. Очень удобно, когда нужно скрывать, что глаза у тебя красные и припухшие.)

Моя мать, как и все наяды, была прекрасна, но холодна. У нее были волнистые волосы и ямочки на щеках, а смех – точно зыбь на воде. Она была неуловима. В детстве я нередко пыталась обнять ее, но она всегда уклонялась. Хочется верить, что это она вызвала мне на помощь утиную стаю, но на самом деле – едва ли: она обычно плавала в реке и приглядывала за детьми помладше, а обо мне часто забывала. Если бы отец не велел меня утопить, она, пожалуй, и сама могла бы уронить меня в воду по рассеянности, а то и в порыве раздражения. Она ни на чем не могла сосредоточиться надолго и была невероятно капризна и переменчива.

Итак, вы уже поняли, что я еще в раннем детстве оценила преимущества самостоятельности (если допустить, что таковые у нее есть). Я осознала, что в этом мире я должна заботиться о себе сама. Рассчитывать на поддержку семьи не приходилось.

IV. Партия хора

Детский плач

Причитание

Мы тоже были детьми. Мы тоже не выбирали себе родителей. Нищих родителей, родителей-рабов, родителей – земледельцев и слуг; родителей, которые продали нас; родителей, у которых нас украли. Они, родители наши, не были богами, не были полубогами, нимфами или наядами. Нам, детям, назначили работать во дворце; мы, дети, гнули спину от рассвета до заката. Если нам случалось заплакать, мы утирали слезы. Если нам случалось заснуть, нас будили пинками. Нам говорили, что у нас нет матери. Нам говорили, что у нас нет отца. Нас называли лентяйками. Нас называли грязнулями. Верно, мы были грязны. Грязь была нашей заботой и работой, нашей обязанностью и нашей виной. Грязные девчонки – \ \ вот кем мы были. Если хозяин или сын хозяина, гость или сын гостя желал переспать с нами, мы не могли отказать. И не было толку плакать, не было толку ссылаться на боль. А мы были еще детьми. Тяжелее всех приходилось хорошеньким. Мы мололи муку для роскошных свадебных пиришеств, а нас кормили объедками. Мы знали, что для нас свадебного пира не будет никогда и никто не даст за нас богатых даров; наши тела ценились дешево.

Но мы тоже хотели петь и плясать, тоже хотели счастья. Повзрослев, мы стали изящны и уклончивы. Мы овладели искусством скрытой издевки. Но уже детьми мы умели и покачивать бедрами, и манить, и подмигивать, и подавать бровями тайные знаки; мы встречались с мальчиками за свинарником – со знатными и незнатными наравне. Мы кувыркались в соломе, в грязи и в навозе, на мягких овечьих шкурах, которые сами же стлали на хозяйское ложе. Мы допивали оставшееся в кубках вино. Подавая пищу, мы тайком плевали на блюда. Между светлым пиришественным залом и темной кухней мы успевали набить рот краденым мясом. По ночам мы вместе смеялись у себя на чердаке. Мы старались урвать от жизни все, что только сможем.

V. Асфodelи

Как отмечали многие, здесь у нас темно. «Черная Смерть, – говорили они. – Мрачные чертоги Аида». И все в таком духе. Ну да, да, здесь темно, но в этом есть свои преимущества. Например, если встретишь кого-то, с кем не хочешь говорить, всегда можно сделать вид, что ты его не узнала.

Конечно, есть еще поля асфodelей. Если кому нравится, можно бродить и там. Там посветлее, и кое-кому по вкусу эти вечные вялые хороводы, но не стоит обманываться названием. Как же, *поля асфodelей*, так поэтично! Но вы только вдумайтесь: асфodelи, асфodelи, асфodelи... белые цветочки, вполне симпатичные, но со временем надоедают хуже горькой редьки. Спрашивается, кто мешал разнообразить картину? Расширить цветовую гамму, проложить выющиеся тропки и аллеи, поставить хоть пару каменных скамей и фонтанов... Ну, на худой конец, добавить гиацинтов. Или чуточку крокусов – я что, многого прошу? Правда, весны у нас тут не бывает, да и вообще с временами года туговато. Хотела бы я знать, кто все это проектировал!

Кстати, я не упоминала, что есть тут тоже нечего, кроме асфodelей?

Ну да что толку жаловаться!

В темных гротах куда лучше. И разговоры там идут поинтереснее, особенно если попадется какой-нибудь мелкий негодяйчик – карманник, биржевой маклер, сутенер. Меня, как и многих девчонок-недотрог, всегда втайне тянуло к таким мужчинам.

Но слишком глубоко я обычно не забираюсь. Там наказывают настоящих злодеев, тех, кто не понес должного наказания при жизни. Слушать эти вопли – выше моих сил. Впрочем, муки здесь только мысленные, тел-то у нас больше нет. Так что боги развлекаются по-своему. Покажут какому-нибудь бедолаге целое пиршество – груды мяса, горы хлеба, целые лозы винограда, – а стоит ему протянуть руку, как тут же все исчезает. Или вот еще – заставят кого-нибудь вкатывать каменную глыбу на отвесный склон. Тоже их любимая шуточка. Меня иногда так и тянет туда, поглубже: вспомнить, что такое настоящий голод, настоящее изнеможение.

Время от времени туманы расступаются и нам удается заглянуть в мир живых. Как будто чуть-чуть протер грязное окно и смотришь в дырочку. А иногда граница вовсе исчезает, и открывается путь наружу. В такие моменты мы все очень волнуемся, и поднимается страшный гвалт.

Проникнуть ненадолго в мир живых можно разными способами. Когда-то бывало так: кто хотел посоветоваться с нами, перерезал глотку овце, корове или свинье и давал крови стечь в яму. Мы чуяли запах и слетались к яме, как мухи на труп. Мы тысячами толпились вокруг этой ямы, щебеча и трепыхаясь, точно смерч опрокинул гигантскую корзину для бумаг, а какой-нибудь доморощенный герой отгонял нас мечом, пока не явится тот, с кем он хотел говорить. И получал пару-тройку невнятных пророчеств: на невнятицу мы были мастера. К чему выкладывать все как на духу? Лучше пусть приходит еще и еще, с новыми овцами, коровами, свиньями, ну и так далее.

Отвесив герою должную меру слов, мы все получали доступ к вожаке ямы, и не стану утверждать, что за столом вели себя прилично. Нет, конечно. Мы толкались и пихались, чавкали и расплескивали угощение, не стесняясь перемазаться до ушей.

Но до чего приятно было вновь ощутить, как кровь струится по жилам, которых у нас больше не было, – пусть всего на мгновение!

Иногда нам удавалось являться живым в сновидениях, но это было далеко не так замечательно. А некоторые просто застряли на том берегу реки, потому что их не похоронили как положено. Они оказались ни там ни сям и ужасно из-за этого переживали. Ну и хлопот же с ними было!

Затем, спустя сотни, а может, и тысячи лет – здесь трудно следить за временем, у нас же его попросту нет, – обычаи переменились. Живые перестали заглядывать в подземный мир, а наше скромное обиталище померкло перед заведением поглубже и позрелищней. Огненные рвы, плач и скрежет зубовой, червь неусыпающий и черти с вилами... куда нам было до всех этих спецэффектов!

Но от случая к случаю нас все еще вызывали волшебники и заклинатели – люди, заключившие договор с силами ада, а потом и всякая сошка помельче – столовращатели, медиумы, контактеры и иже с ними. Это было унижительно – ну, когда приходилось материализовываться в меловом круге или посреди обитой бархатом гостиной только потому, что кому-то вздумалось на тебя поглазеть, – но хотя бы позволяло идти в ногу с тем, что происходит в мире все еще живых. Меня, например, очень заинтересовало изобретение электрической лампочки и еще эти теории двадцатого века о превращении материи в энергию. Кое-кто из нас научился проникать в систему эфирных волн, не так давно опоясавшую земной шар, и путешествовать по миру, выглядывая через эти светящиеся плоскости, что ныне служат людям домашними алтарями. Возможно, именно таким способом богам в свое время удавалось являться и исчезать столь стремительно: наверняка у них было в распоряжении нечто подобное.

Меня волшебники вызывали нечасто. Я была знаменита, о да, кто угодно подтвердит, но видеть меня они почему-то не хотели, тогда как моя двоюродная сестрица Елена пользовалась большим спросом. По-моему, это несправедливо: ведь меня нельзя было обвинить ни в чем предосудительном, ни в каких любовных интрижках, а она была сущее позорище. Но, конечно, красоты ей не занимать. Утверждали, что она родилась из яйца – от Зевса, который силой взял ее мать, приняв облик лебедя. Как она этим кичилась, наша Елена! Интересно, кто-нибудь верил по-настоящему в эту байку про лебедя-насилника? Такие сказки в наше время только ленивый не рассказывал. Создавалось впечатление, что боги просто не в силах удержать руки, лапы, клювы или что там у них при себе: только и знают, что насиловать смертных женщин направо и налево.

Одним словом, волшебники желали видеть Елену, и она с удовольствием подчинялась. Ей казалось, что вернулись старые добрые времена, когда все мужчины вокруг на нее тарасились. Обычно она являлась в одном из своих троянских нарядов, чересчур разукрашенном, на мой вкус, но *chacun a son got*². Она медленно поворачивалась перед потрясенным заклинателем, как она это умела; затем, склонив голову, бросала на него взгляд из-под опущенных век и одаряла своей фирменной призывной улыбкой – и чародей падал к ее ногам. А иногда она приходила в том виде, в каком предстала посреди пылающей Трои перед разъяренным супругом Менелаем, когда тот уже готов был вонзить в нее карающий меч. Она лишь обнажила одну из несравненных своих грудей – и он рухнул на колени, лопоча влюбленную чушь и умоляя вернуться с ним домой, в Спарту.

Что же до меня... конечно, мне говорили, что я красива, – а что еще оставалось, ведь я была царевной, а вскоре стала царицей. Да, уродиной я не была, но на самом деле ничего особенного собой не представляла. Зато я была умна, по тем временам даже очень. Похоже, этим я и прославилась – тем, что была умницей. Этим да моим тканьем, а еще – супружеской верностью и благоразумием.

Будь вы черным магом, рискующим душой ради своего искусства, кого бы вы предпочли призвать: невзрачную, пусть и умную, женушку, которая умела ткать и ни разу не преступила приличия, – или женщину, одурманившую страстью сотни мужчин и погубившую великий город?

И я вас понимаю.

² у каждого свой вкус (*фр.*).

* * *

Елене все сошло с рук. Хотела бы я знать почему? Других душили морскими змеями, топили в бушующем море, превращали в пауков и пронзали стрелами за куда более невинные проступки. Кто-то съел чужую корову. Кто-то чем-то похвастался. Ну и все в таком духе. За все неприятности и страдания, которые Елена причинила стольким людям, что и не счесть, она заслуживала по меньшей мере хорошей порки. А не тут-то было.

Мне, конечно, до этого дела нет.

Да и не было.

Мне и без того хватало, чем заняться в жизни.

Так что перейдем к рассказу о том, как я вышла замуж.

VI. Мое замужество

Мое замужество подготовили загодя. Так было заведено: если уж устраивали свадьбу, то готовились к ней заранее. Речь не о свадебном платье, цветах, угощении и музыке, хотя и это все тоже было. Это у всех бывает, даже теперь. Нет, я имею в виду подготовку не столь явную.

По старому укладу, свадьбы устраивали только для важных особ, потому что только у важных особ имелось наследство. Все остальное было просто связями разного рода: насилием или совращением, союзами по любви или приключениями на ночь – с богом, выдававшим себя за пастуха, или с пастухом, выдававшим себя за бога. По случаю до подобных интрижек снисходили и богини, забавлявшиеся со смертной плотью, как королева, играющая в доярку, но наградой мужчине становилась ранняя и зачастую жестокая смерть. Бессмертие и смертность не созданы друг для друга: они – как огонь и грязь, только победителем всегда выходит огонь.

Но богов это ничуть не смущало. Им даже нравилось. Любуясь, что творится со смертными от их божественной любви, они покатывались со смеху. Было в них, богах, что-то от детей – и это было отвратительно. Теперь я могу сказать об этом прямо, потому что тела у меня больше нет, страдания плоти мне уже не грозят, да и боги все равно не слушают. Насколько я понимаю, они отправились на покой. В нынешнем мире боги не приходят к людям, как бывало, – разве что если примешь чего-нибудь специального.

О чем это я?... Ах да, замужество. Замуж выходили, чтобы рожать детей, а дети были не для забавы. Дети были для передачи по наследству всяких полезных вещей. Царств, например, или богатых свадебных подарков, семейных историй и кровных распрей. Через детей заключались союзы; через детей карались обидчики. Родить ребенка – значило впустить в мир новую силу.

Если у вас был враг, стоило перебить всех его сыновей, пусть даже младенцев. Иначе они вырастут, выследят вас и убьют. Если рука не поднималась, можно было, конечно, отослать их прочь под чужими именами или продать в рабство, но все равно не знать вам покоя, пока они живы.

Если у вас не было сыновей, одни дочери, следовало как можно скорее выдать их замуж, чтобы обзавестись внуками. Чем больше рук, способных владеть мечом и копьем, насчитывалось в вашем семействе, тем лучше, ибо все прочие достойные люди вокруг только и делали, что искали предлог напасть на какого-нибудь царя или богача и забрать все, до чего дотянутся, в том числе и людей. Слабость одного властителя означала благоприятный шанс для всех остальных, так что сильные мужчины в каждом доме были на счету.

Поэтому готовить мое замужество начали без промедления, как только время пришло.

При дворе царя Икария, моего отца, еще сохранялся древний обычай состязаться за руку знатной девушки, так сказать, поставленной на кон. Победивший в состязаниях получал невесту и свадьбу, но предполагалось, что он останется жить во дворце тестя, пополняя ряды его мужского потомства. Через брак жених приобретал богатство: золотые кубки, серебряные чаши, лошадей, одежды, оружие – весь этот хлам, который так высоко ценился, когда я была жива. При этом предполагалось, что и его семья передаст семье невесты кучу такого же хлама.

Я называю все это хламом, потому что знаю, что с ним случилось в конечном счете. Все это сгнило под землей или кануло на дно морское, сломалось и было выброшено или пошло в переплавку. А кое-что в итоге очутилось в огромных дворцах, где – как ни странно – нет царей и цариц. Какие-то безобразно одетые люди движутся бесконечной вереницей по залам этих дворцов и пялятся на золотые кубки и серебряные чаши, которыми теперь даже никто не пользуется. Потом они идут на рынок, устроенный там же, во дворце, и покупают изображения этих вещей или их крошечные копии, даже не из золота и серебра. Вот поэтому я и говорю – хлам.

Согласно древнему обычаю, груда сверкающих брачных трофеев оставалась в семье невесты, во дворце ее семьи. Быть может, именно поэтому отец так привязался ко мне, когда не удалось утопить меня в море: ведь где я, там и сокровища.

(И все-таки почему он пытался меня утопить? Этот вопрос до сих пор не дает мне покоя. Версия с саваном меня не устраивает, но верного ответа я так и не нашла – даже здесь. Всякий раз, как я издали замечаю отца, бредущего через луг асфodelей, и пытаюсь догнать его, он торопится прочь, как будто боится взглянуть мне в лицо.

Временами я склонялась к мысли, что я была назначена в жертву морскому богу, жадному до людских жизней. Спасли меня утки, а отец оказался ни при чем – и, видимо, мог заявить, что выполнил свою часть сделки без обмана, а если морской бог не сумел утащить меня на дно и сожрать, такова уж его горькая доля.

Чем больше я раздумываю об этой версии, тем больше она мне нравится. Она похожа на правду.)

Итак, представьте меня неглупой, но вовсе не сногшибательно красивой девушкой брачного возраста – положим, лет пятнадцати. Вот я выглядываю из окна своей комнаты (а она была на втором этаже дворца) во двор, где собираются участники состязаний – все эти юные, полные надежд соперники за мою руку.

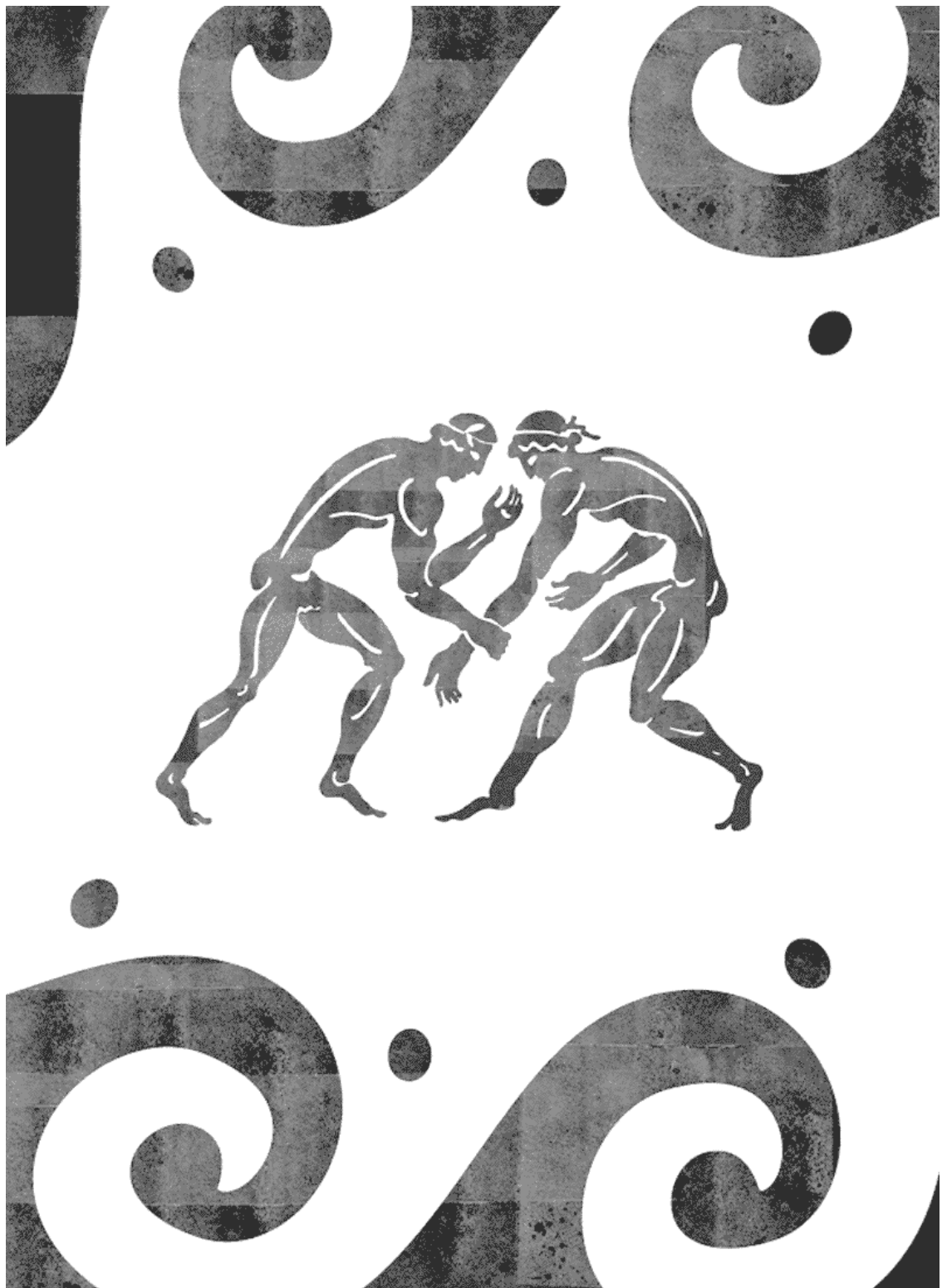
Разумеется, я не вывешиваюсь из окна по пояс. Не ставлю локти на подоконник, точно какая-нибудь девка из простых, и не тарашусь без стыда и совести. Нет-нет, я выглядываю украдкой из-под покрывала, из-за занавесок. Нельзя, чтобы все эти молодые люди, почти нагие, увидели мое лицо без покрывала. Служанки наряжали и украшали меня, как могли, певцы сочиняли песни в мою честь («лучезарна, как Афродита», и весь этот обычный трескучий вздор), но я все равно чувствовала себя неуклюжей и жалкой. Юноши во дворе смеялись и шутили – похоже, они совсем не стеснялись друг друга; вверх они не смотрели.

Я знала, что они приехали сюда не за мной, не за Пенелопой-уточкой. Нет, только за тем, что они получают в придачу ко мне: за родством с царской семьей, за грудой сверкающей дребедени. Ни один мужчина не пойдет на смерть из любви ко мне.

* * *

И действительно, ни один не пошел. Не то чтобы мне хотелось толкать их на смерть... Я ведь не пожирательница мужчин, не Сирена, не сестрица Елена, которой нравилось побеждать просто для того, чтобы показать: она это может. Как только мужчина начинал ползать перед ней на брюхе – а много времени на это не требовалось, – она поворачивалась и уходила, даже не удостоив жертву прощальным взглядом, да еще с этим своим беззаботным смешком, словно только что увидела придворного карлика, стоящего на голове для потехи.

Я была доброй девушкой – по крайней мере, добрее Елены, так мне казалось. Я знала, что должна буду предложить мужчине что-нибудь вместо красоты. Я была умна, все это говорили (и повторяли так часто, что меня это повергало в уныние), но ум в своей жене мужчина ценит до тех пор, пока держится от нее подальше. А вблизи – что ж, доброту он никогда не отвергнет, даже если ни на что более соблазнительное рассчитывать не придется.

Самым очевидным кандидатом в мужья для меня был какой-нибудь младший сын царя с обширными владениями – возможно, один из сыновей Нестора. Для царя Икария это был бы удачный союз. Разглядывая из-под покрывала молодых людей, топчущихся во дворе, я пыталась угадать, кто из них кто, и решить – просто забавы ради, поскольку выбирать себе мужа в мои привилегии не входило, – кого из них я бы предпочла.

При мне было несколько служанок – меня никогда не оставляли одну, я была в опасности, пока не выйду благополучно замуж: ведь кто знает, не взбрет ли в голову какому-нибудь

рьяному охотнику за удачей попытаться соблазнить меня, а то и просто схватить и похитить? Служанки держали меня в курсе дел. Это был неиссякаемый источник всяческих пустяковых сплетен: они были вольны ходить по всему дворцу, рассматривать мужчин как им заблагорассудится, подслушивать их разговоры, смеяться и шутить с ними, сколько душе угодно: если кто и проберется к ним между ног, до этого никому не было дела.

– А вон тот, с грудью бочкой? Это кто? – спросила я.

– А-а, да это всего-навсего Одиссей, – ответила одна из служанок.

Серьезным претендентом на мою руку он не считался – по крайней мере, среди прислуги. Дворец его отца находился на Итаке, каменистом козьем островке; сам же он был одет как простой мужлан, а держался словно важная шишка из провинции, и уже успел вернуть несколько заковыристых фразочек, за которые его записали в чудаки. Другие юноши подшучивали над ним: «Не садитесь играть с Одиссеем, он с Гермесом на короткой ноге». Все равно что прямо сказать: это, мол, плут и вор. Точь-в-точь такая слава ходила за его дедом Автоликом: говорили, он за всю жизнь ни разу не выиграл честно.

– Интересно, быстро ли он бежит? – сказала я.

Кое-где женихи определяли победителя в борьбе, кое-где – в колесничных скачках, но у нас было принято простое состязание в беге.

– Это вряд ли – на таких-то коротких ножках! – ответила служанка не без ехидства.

И верно, ноги у Одиссея были коротковаты в сравнении с туловищем. Пока он сидел, это было незаметно, но тотчас бросалось в глаза, стоило ему подняться.

– Уж вас-то ему нипочем не догнать, – заметила вторая служанка. – Не хотите же вы поутру проснуться в постели сразу с мужем и со стадом Аполлоновых коров!

Это была шутка насчет Гермеса, который совершил первую свою кражу – увел у Аполлона стадо, – едва родившись на свет.

– Ну разве что среди них сыщется бычок, – вмешалась еще одна служанка.

– Или козлик, – подхватила третья. – Крепенький да рогастенький! Нашей маленькой уточке это понравится, ей-ей! Скоро она у нас заблеет козочкой!

– Я бы и сама не прочь, – добавила четвертая. – Лучше уж козлик рогастый, чем эти молокососы.

И служанки расхохотались, зажимая рты ладошками.

Это было унижительно. Я пока еще не понимала грубых шуток и не знала точно, почему они так веселятся, но ясно было, что на мой счет. Однако заставить их замолчать я не могла.

* * *

И тут сестрица Елена вплыла в комнату, точно длинношеяя лебедица, которой она себя воображала. Она раскачивала бедрами при ходьбе, стараясь, чтобы все это замечали. Хотя речь шла о моем замужестве, Елена хотела оставаться в центре внимания. Она была прекрасна, как всегда, и даже более того – невыносимо прекрасна. И разряжена по-царски: ее муж Менелай за этим присматривал, а он был богат до невозможности, так что мог себе это позволить. Она взглянула мне в лицо так капризно и чудно, словно кокетничала. Подозреваю, она кокетничала и со своей собакой, и с зеркалом, и с гребнем, и со столбиком кровати. Просто чтобы не терять форму.

– По-моему, из Одиссея получится очень подходящий муж для нашей маленькой уточки, – сказала она. – Ей ведь нравится тихая жизнь. Вот и будет ей тихая жизнь, если он увезет ее на Итаку, как он тут похвалялся. Будет помогать ему коз пасти. Они с Одиссеем по одной мерке скроены. У обоих ножки коротенькие.

Она сказала это легко, как бы невзначай, но самые ее невинные с виду высказывания зачастую оказывались самыми жестокими. Почему красивые люди думают, будто весь мир существует только для того, чтобы их развлекать?

Служанки захихикали. Я пришла в ужас. Я не думала, что у меня такие уж короткие ноги, и представить себе не могла, что Елена обратит на них внимание. Но, когда речь заходила о достоинствах и недостатках чьей-нибудь внешности, мало что ускользало от ее взгляда. Из-за этого она позже и заварила кашу с Парисом: тот ведь был куда красивее тучного рыжего Менелая. Лучшее, что смогли сказать о Менелее певцы, когда начали вставлять его в поэмы, – что у него был зычный голос.

Все служанки уставились на меня, ожидая, что я отвечу. Но Елена умела кого угодно лишить дара речи, и я не была исключением.

– Не огорчайся, сестричка, – продолжала она, похлопав меня по руке. – Ходят слухи, он очень умный. И ты очень умная, мне уже сказали. Значит, ты будешь понимать, что он говорит. Мне вот никогда не удавалось. Как же нам с тобой повезло, что он не выиграл *меня*!

И она одарила меня снисходительной улыбкой счастливицы, которая имела возможность первой отведать какую-нибудь неаппетитную колбасу, но отвергла ее с презрением. Одиссей был в числе соперников за ее руку и жаждал победы не менее страстно, чем любой мужчина на свете. А теперь ему придется состязаться за второй – в лучшем случае – приз.

Нанеся свой ядовитый укус, Елена нас покинула. Служанки принялись обсуждать ее роскошное ожерелье и сверкающие серьги, совершенство ее носика и изящество ее прически, ее блестящие глаза и безупречный вкус, с которым была выткана кайма ее сияющих одеяний. Как будто меня здесь не было. А ведь это был день моей свадьбы.

Все это было очень тяжело. Я расплакалась, как мне еще нередко предстояло плакать в дальнейшем, и меня уложили в постель.

* * *

Так что состязания в беге я пропустила. Победил Одиссей. Хитростью, как я узнала позже. Ему помог брат моего отца, дядя Тиндарей, отец Елены (хотя, как я уже говорила, некоторые утверждали, будто ее отцом на самом деле был Зевс). Он подмешал в вино других женихов какое-то зелье, от которого те стали вялыми, но не слишком, так что сами этого не заметили, а Одиссею дал снадобье с противоположным действием. Насколько я понимаю, это вошло в традицию: такой трюк по сей день проделывают в мире живых перед состязаниями атлетов.

Почему дядя Тиндарей помог моему будущему мужу? Они не были ни друзьями, ни союзниками. Что Тиндарей на этом выгадал? Мой дядя – уж вы мне поверьте – ни за что не стал бы помогать кому-нибудь просто по доброте душевной: такую роскошь мало кто мог себе позволить.

По одной версии, я стала наградой за услугу, которую Одиссей когда-то оказал Тиндарею. Когда шла борьба за Елену и страсти начали накаляться, Одиссей заставил всех соперников поклясться, что они будут защищать того, кто выиграет Елену, если кто-то попытается отнять ее у победителя. Так он восстановил спокойствие, и свадьба Менелая прошла без сучка без задоринки. Должно быть, Одиссей понимал, что ему самому надеяться не на что. Именно тогда – если верить слухам – он и заключил с Тиндареем сделку: он обеспечит лучезарной Елене мирное и весьма выгодное бракосочетание, а взамен получит неказистую Пенелопу.

Но у меня есть другая версия, и вот какая. И Тиндарей, и мой отец Икарий оба были царями Спарты. Им полагалось царствовать по очереди, год – одному, следующий год – другому и так далее. Но Тиндарей хотел заполучить трон в свое полное распоряжение, что ему впоследствии удалось. Этим можно объяснить, почему он так подробно расспрашивал разных

женихов, какие у тех планы и виды на будущее, и узнал, что Одиссей разделяет новомодную идею, что жена должна переселяться в дом мужа, а не наоборот. Тиндарею пришлось бы как нельзя более кстати, если бы я убралась куда-нибудь подальше – я и сыновья, которых я могу родить. Так у Икария окажется меньше помощников, если дело дойдет до открытой схватки.

Что бы за этим ни стояло, Одиссей сжульничал и выиграл забег. Я видела, с какой коварной улыбкой Елена наблюдала за нашими брачными обрядами. Она думала, что меня сбыли на руки неотесанному болвану, который увезет меня в какую-нибудь унылую глухомань, и это ее вполне устраивало. Она, должно быть, заранее знала, что остальных женихов решено подпоить.

Что же до меня, я едва выдержала всю эту церемонию: жертвоприношение животных, подношения богам, очистительные окропления, возлияния, молитвы и нескончаемые песнопения. Мне было дурно. Я не поднимала глаз на Одиссея и видела только его ноги. «Коротенькие ножки», – приходило мне на ум снова и снова, даже в самые торжественные моменты. Мысль была совершенно неуместная – мелочная и глупая, и от нее так и тянуло хихикнуть, но в свою защиту я могу повторить, что мне тогда было всего пятнадцать.

VII. Шрам

Итак, меня передали с рук на руки Одиссею, точно сверток с мясом. Мясо в золотой упаковке, имейте в виду. Эдакую кровяную колбасу в позолоте.

Но вам это сравнение, должно быть, покажется грубым. Так что позвольте добавить: мясо у нас ценилось очень высоко. Аристократы поглощали его горами: мясо, мясо, мясо... И все, что с ним удосуживались сделать перед едой, – это просто зажарить: наш век не знал кулинарных изысков. Ах да, совсем забыла: был еще хлеб, то есть просто лепешки. Хлеб, хлеб, хлеб. И вино, вино, вино. Время от времени бывали еще фрукты и овощи, но вы об этом, наверное, и не слышали, потому что в песни их вставляли нечасто. Боги любили мясо не меньше нашего, но от нас не получали ничего, кроме костей и жира, – спасибо Прометею, обвел их вокруг пальца, как детей малых: только круглый дурак купится на мешок с костями, прикрытыми жиром, а Зевс купился; из чего следует, что боги не всегда бывали такими умными, как нам полагалось верить.

Сейчас я мертва, потому и могу это сказать. Раньше я бы не осмелилась. Никогда нельзя было знать наверняка, что кто-нибудь из богов не подслушивает тебя, укрывшись личиной старого друга, нищего или чужеземца. Верно, что временами меня брало сомнение: а существуют ли они на самом деле, эти боги? Но при жизни я считала за благо не рисковать.

* * *

На свадебном пиру всего было вдоволь: и огромные блестящие жиром куски мяса, и огромные горы душистого хлеба, и не менее огромные кувшины сладкого вина. Гости так обжигались, что удивительно, как они не лопнули прямо за столом. Ничто так не разжигает аппетит, как дармовое угощение; позже я убедилась в этом на опыте.

В те времена ели руками. Зубам доставалась нелегкая работенка, но все равно так было лучше: никаких ножей и вилок – и никакого соблазна ткнуть ими в сотрапезника, который тебе чем-нибудь досадил. На всякой свадьбе, предваряемой состязаниями, неизбежно случа-

ются гости, разочарованные поражением; но на моем брачном пиру не вышел из себя ни один неудачливый жених. Если б они проиграли торги за лошадь, шуму и то было бы больше.

Вино подали слишком крепкое, и многие захмелели. Даже мой отец, царь Икарий, напился пьяным. Он подозревал, что Тиндарей и Одиссей сыграли с ним шутку. Он почти не сомневался, что они сплутовали, но не мог понять, каким именно образом; это его бесило, а от вина он разошелся еще пуще и отпустил несколько обидных замечаний насчет дедушек и бабушек кое-кого из гостей. Но он был царь, так что до поединков дело не дошло.

Одиссей оставался трезвым. Он умел делать вид, что пьет очень много, на самом деле даже не прикладываясь к чаше. Позже он сказал мне: если мужчине – ну вот как ему – приходится брать умом, то ум нужно всегда держать наготове и чтобы он всегда был острым, как топор или меч. Только дураки, сказал он, похваляются тем, сколько они могут выпить. Из-за этого начинаются состязания, кто кого перепьет, человек расслабляется и теряет бдительность, а тут-то враг и может нанести ему удар.

Что до меня, я была не в силах проглотить ни кусочка. Я слишком волновалась. Я сидела, закутанная в свадебное покрывало, и едва осмеливалась украдкой бросить взгляд на Одиссея. Я не сомневалась, что он разочаруется во мне, как только поднимет это покрывало и увидит, что скрывается под плащом, поясом и переливчатым хитоном, в которые меня вырядили. Но он не смотрел на меня; на меня вообще никто не смотрел. Все пялились на Елену, которая расточала ослепительные улыбки направо и налево, не обделяя ни одного из мужчин. Она умела улыбаться так, что каждому начинало казаться, будто она тайно влюблена в него одного.

Полагаю, мне повезло, что Елена отвлекала на себя всеобщее внимание: благодаря этому никто не замечал меня, никто не видел, как я дрожу и стесняюсь. Я не просто волновалась – мне было по-настоящему страшно. Служанки мне все уши прожужжали рассказами о том, что мне придется вынести в первую брачную ночь, – как меня взрежут, точно землю плугом, и как это будет больно и унижительно.

Что же до моей матери, она оставила на время свои дельфины пляски, чтобы почтить присутствием мою свадьбу, за что я была ей далеко не столь благодарна, как следовало бы. В холодно-синем одеянии она сидела на троне рядом с моим отцом, и у ног ее мало-помалу скапливалась лужица. Она обратилась ко мне с напутственной речью, пока служанки в очередной раз переменяли мой наряд, однако в ее словах я не нашла утешения. Одни скользкие намеки, ничего больше; а впрочем, все наяды скользкие.

Вот что она сказала:

– Вода не сопротивляется. Вода течет. Когда погружаешь в нее руку, чувствуешь только ласку. Вода – не сплошная стена, она никого не остановит. Но она всегда пробьется туда, куда захочет, и в конечном счете ничто перед ней не устоит. Вода терпелива. Капля камень точит. Помни об этом, дитя мое. Помни, что наполовину ты – вода. Если не сможешь сломить преграду, обойди ее. Вода это может.

После обрядов и пиршеств нас повели в спальню – как было заведено, устроили шествие с факелами, пошлыми шутками и пьяными воплями. Ложе украсили венками, порог обрызгали водой, совершили возлияния. У дверей поставили сторожа, чтобы невеста не сбежала в ужасе от жениха, а ее подружки не выломали дверь и не пришли ей на выручку, услышав крики. Все это была игра: разыгрывали похищение невесты, а первую брачную ночь представляли как узаконенное изнасилование. Инсценировались борьба и победа, торжество над поверженным противником и убийство. Предполагалось море крови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.